

Рождение песни

Рассказывает Булат Окуджав

Песни Булата Окуджавы так же трудно представить звучащими под оркестр, как и его само — в чинном «вечернем» костюме, в рубашке с накрахмаленным воротничком... Вот и на этот раз он одет все в ту же удобную в работе, а потому любимую «ковбойку». И в разговоре он тоже «удобный», естественный, как и его песни...

— Булат Шалаевич, давайте поговорим только о песнях, хотя вы пишете и стихи, и повести, и романы, и пьесы, и киносценарии...

— Уже лет восемь не пишу стихов... А песни? Я ведь не сочиняю их специально, просто некоторые стихи превращаются в песни. Например, было у меня давнее стихотворение — «Давайте восклицать...» Режиссеру Динаре Асановой оно понравилось, и так в ее картине появилась песня. А вообще песни, написанные специально для фильмов, — исключение. Для кинокартины «Белорусский вокзал» я не собирался писать песню, но мой друг режиссер Андрей Смирнов очень уж просил. Причем в его просьбе была одна изюминка, которая меня подкупила: нужно было сделать песню, как бы сложенную участником войны в те годы, в том батальоне. Однако сначала песня впечатления ни на режиссера, ни на киногруппу не произвела: видно, мешало то, что я неумело аккомпанировал себе на пианино. К тому же присутствовал композитор Шнитке, и играть при нем было особенно трудно. Но вдруг именно он, один-единственный, сказал: «Это интересно. И тут же воспроизвел песню сам, и ее подхватила вся группа... По-моему, в фильме она исполнена именно так, как и должна была прозвучать: на нерве...»

— А были случаи, когда ваши песни исполнялись в фильмах не так, как вам хотелось бы?

— Да, конечно... Ну вот хотя бы в давней картине «Горизонт» молодой человек пел «До свидания, мальчики» — очень плохо, невыразительно, и песня в фильме умерла. Зато в спектакле Ленинградцев «Зрима песня» ее пели так, что мурашки по коже... Этот спектакль поставили тогда многие театры, и всюду «До свидания, мальчики» звучала трагично и сильно.

— Как вы думаете, почему многие ваши стихи стали песнями?

— Видно, потребность к песню где-то внутри у меня была запрятана, потому что еще раньше я написал несколько стихот-

ворений в форме, соответствующей песенному жанру, с какой-то внутренней мелодикой. Например, такие стихи: «Год сорок первый, зябкий туман... Уходят последние солдаты в Тамань. А им подписан пулей приговор, он лежит у кромки береговой...» А вот «Денька Королев» появился совершенно случайно, вместе с музыкой — за десять минут, ни одна песня так быстро не появлялась. Конечно, какой-то внутренний импульс, о котором я и не подозревал, видимо, был, поэтому-то моментально наговорил стихи, и мелодия открылась сразу...

Все мои песни — на готовые стихи, только одна родилась наоборот, на музыку — «По Смоленской дороге». Вместе с Юрием Левитанским мы придумали ее действительно на Смоленской дороге, зимой, в машине: ездили по заданию газеты по разным областям, и была с нами гитара... А вообще-то при создании песен ничего экзотического нет. Просто работа, часто — изнурительная, потому что все время что-то меняется, переделывается...

В армии, помню, был запевал. Кстати, там, на фронте, написал стихи, придумал к ним мелодию — и потом наш полк пел: «Нам в холодных теллушках не спалось...» Пожалуй, это была самая первая моя песня. Закончилась война, и как-то в сорок шестом, уже студентом, подсел к пианино и подобрал песенку: «Неистов и упрям — гори, огонь, гори! На смену декабрим приходят январи...» Другая ее подхватили... Прошло еще десять лет — и появились стихи «О Ваньке Морозове», ставшие потом песней. За ними — другие, третьи... Но спустя годы я вдруг почувствовал, что пишу песни, видя перед собой аудиторию, — и тогда поставил точку. Потому что появилась опасность превратиться в песенника, который в угоду эстраде печет свою продукцию, а в подобном случае то, что я делаю, теряет свой смысл. Понимаете, для песенника-профессионала это хорошо, а мне нельзя: я не имею права штамповать песенки, пусть даже неплохие. Поэтому сейчас пишу, наверное, не больше одной-двух в год...

— А гитару вы освоили тоже в юности?

— Я ничего не «осваивал». Просто однажды мне показали три аккорда... Конечно, играя я на этом инструменте искус-

нее — было бы лучше, хотя виртуозное владение гитарой в этом жанре — вовсе не виртуалочка. Сейчас многие молодые люди обращаются с гитарой просто лихо и поют тоже вроде бы замечательно, но грош цена искусству, если за ним нет судьбы. Судьбы автора, художника... Если она есть, то к людям являются песни Новеллы Матвеевой и Владимира Высоцкого... Потому что оба они — и поэтический, и исполнительский — явления. Они создали свой поэтический мир, поэтому вы их всегда узнаете.

Кроме того, собственная интонация исполнителя имеет огромное значение, но многие из них этого не учитывают. Есть, конечно, и положительные примеры. Скажем, Елена Камбурова исполняет песни в собственной интерпретации, по-моему, хорошо. Обидно только, что иногда эту певицу подводит посредственная режиссура. Именно так случилось с песенкой о Ленке Королеве — совсем неприязнательной, дворовой, которую режиссер почему-то решил превратить в балладу, в этакое театрализованное действо: колыбель в ней о войне, то начиналась бурная оркестровка, а лирические места сопровождался немислимимым пиано... От такой «красивости» песня только проиграла.

— Как вы считаете: за четверть века ваши песни претерпели какое-то принципиальное изменение, обрели новое качество?

— Пожалуй. Лирический герой первых моих песен был непосредственным, простоватым. Потом, думаю, с «Молитвы Франсуа Вийона», я старался глубже проникнуть в его душу, может быть, даже за счет потери непосредственности... Но во всех песнях (как и в стихах, и в прозе) в конечном счете я всегда стремился и стремлюсь рассказать о себе. Впрочем, так во все времена было и есть: художник хочет выразить себя, поделиться своим представлением об окружающем мире.

И главный мой учитель в этом — русский фольклор. Почему-то меня часто сравнивают с Вертинским. Я люблю Вертинского, но никогда не был к нему столь близок духовно, чтобы это сказывалось в моей работе... А вот песни Беранже, стихи Вийона и русский романс какое-то влияние на меня оказали...

Беседу вел Л. СИДОРОВСКИЙ.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
Москва

2 МАЯ 1982